

Моя правда - 1988, - 31 января, - с. 4
Его дом — его крепость

Татьяна ИНЯГИНА

У каждого из нас есть дом. Дом, который нам дорог и близок. У него - дом особый. Его дом - его история, его судьба, его память. Он - актер еврейского театра, странствующий актер, проповедник, поэтому его дом везде, где проходит его путь; везде, куда долетит его мысль; везде, куда укажет ему сердце, где есть люди, готовые его выслушать. И везде, где бы он ни останавливался, он играет.

Замысел моноспектакля «Мой дом» осуществлен режиссером по старому еврейскому обычаю. Когда в местечко приезжал актер, которого все любили и ждали, вечером все собирались за «шумным праздничным столом», и актер, которому отводилось почетное место, начинал спектакль.

Так было и на этот раз. Мы, зрители, ждали его к нашему столу, но он появился неожиданно, внезапно, из зала, как будто завернул к нам после долгого пути, чтобы отдохнуть и... отправиться дальше. На сцене - стол, семи-свечник, два стула и вешалка. У него с собой - саквояж, где лежит его нехитрый реквизит, каждая вещь которого - кусочек его жизненной памяти, и зонт, который стал ему посохом. Он поднялся на сцену, поставил на стол саквояж и, открыв его, начал рассказ. О своей жизни, о храме, о театре, о своем доме. Он выстраивает его из воспоминаний, заполняя собою все пространство сцены. И как гостеприимный хозяин, он приглашает нас в свой дом. И мы попадаем в пространство человеческой судьбы, дверь в которое нам приоткрыли автор поэмы «Мой дом» Наталия Губенко, автор спектакля Яков Губенко, и актер театра «Шалом» Геннадий Абрамов.

Сама поэма интересна уже тем, что написана про реальный, конкретный театр, более того, она написана именно на этого актера, который был свидетелем событий. Она подтверждает то, что жизнь развивается по спирали, что вслед за смертью будет новый виток и свиток жизни.

Поэма представляет собой монолог-исповедь. В этой истории еврейского актера как бы сфокусирована история еврейского театра. Память актера хранит и музыку детства - с его репродукторами, граммофонными трубами и зеркалом катков, и музыку еврейского оркестра лагеря смерти - с его «полосатыми шкурами», - и историю рождения и распятия еврейского театра, и глубокую печаль за разрушение своей святыни. И вместе с тем на протяжении всего спектакля нет плача, нет жалобы - есть объективный рассказ о жизни. Спектакль вызывает лишь светлые чувства. Становится ясно, откуда это терпение у всего

народа. Однако спектакль не из легких, он заставляет задуматься о многих вещах: Спектакль наводит на размышление о том, что мы не всегда ценим рядом живущих. Конечно, самое большое тепло и самую большую роль мы получаем от тех, кого любим. Тем острее осознаешь: то, что имеешь, надо беречь.

Спектакль - история еврейского бытия, построенного на сомнениях и надеждах. Он был задуман как служение театру, потому он и называется «литургия театра»; сквозным действием через него проходит покание актера на ступенях разрушенного театра-храма. Спектакль готовился полтора года, в течение которых режиссер, как терпеливый художник, тонкими мазками наносил на холст каждое движение, каждый шаг, каждый жест. По выстроенным режиссером мизансценам улавливаешь сюжет непростого повествования. Вообще, в спектакле более 30 различных сцен и персонажей, которых играет Г. Абрамов. Все они интересны, и трудно выделить кого-то одного. Вот, например: на сцене актер надевает концлагерную робу. Более того, он надевает шутовской колпак с бубенцами и говорит, что все, и даже звери, как в цирке, под хлыстом дрессировщика, «исполняют сюжеты еврейства».

Или сцена «золотой свадь-

бы», которая передается, казалось бы, скучными, но точными средствами. Из контекста стиха ясно, что родителей уже давно нет, что они «спят, влюбленные вечно», и все равно их сын справляет им золотую свадьбу. На сцене два стула, в руках актера - рюмка. И это все, из чего актер с режиссером выстраивают большую золотую свадьбу - застолье, где сидят друзья, родные, внуки и, конечно, главные виновники торжества - жених и невестой. Сквозь еврейский фрейлэх слышны смех, шутки, тосты. Сцена потрясает тем, что между живыми и ушедшими протянута ниточка жизни. Ничто не исчезает, ничто не забывается. Актер играет на русском, но от мелодии языка создается ощущение, что ты понимаешь и идиш, на котором он поет песни.

Практически в спектакле нет перехода от одной сцены к другой. Каждая новая сцена, - новое звено в логической цепочке мыслей. Актер же, в совершенстве владея своим искусством, более часа держит зрительный зал в постоянном напряжении и полной тишине.

На сегодня история кончилась. Актер закрыл свой саквояж и снова пошел по миру. Он закрыл свой саквояж, но дверь в его дом открыта всегда, ведь его дом - его память.

Фото Саида ВАГОВА.